

ЧТЕНИЯ В ПОКОЯХ ПРЕОСВЯЩЕННОЙШЕГО ДИМИТРИЯ, ЕПИСКОПА ТУРКЕСТАНСКОГО И ТАШКЕНТСКОГО

<Семиреченские областные ведомости>

5 января 1907, № 2

2-го января настоящего 1907 года в покоях Преосвященнейшего Димитрия, Епископа Туркестанского и Ташкентского было большое собрание духовенства и лиц из общества г. Верного, прибывших по такому приглашению Преосвященного Владыки:

В моей епархии напечатана и скоро выйдет в свет книга под заглавием «Философия общего дела»¹. По мысли автора этой книги, в ней заключается призыв к общему делу нашего спасения, к делу Божию, по божественному к нам милосердию чрез нас же, чрез людей, совершаемому. По предмету этой книги она не может быть оставлена мной без внимания, а потому я решил познакомиться с нею и обсудить, насколько надежен указываемый в ней путь и обсудить это с сопастырями моими и с теми из паствы моей, кои стали мне известны особою ревностью к делу нашего спасения, а также с теми, кои стоят во главе различных учреждений и от коих зависит, следовательно, дать то или другое направление деятельности этих учреждений, направить их к Богу или же от Бога, так как, по мысли автора книги, нет такой деятельности, которая была бы безразлична для дела нашего спасения, которая не могла бы и не должна бы быть религиознизирована, не могла бы стать священной.

Считая и Вас в числе лиц, участие которых необходимо и желательно при обсуждении пути, ведущего к нашему спасению, прошу Вас пожаловать ко мне 2 января 1907 г. в 6 час. вечера.

После молитвы «Царю Небесный», пропетой всеми собравшимися, Преосвященнейший Владыка обратился к своим гостям приблизительно с следующими словами:

Апостол Павел, проповедуя Евангелие, прибыл и в Афины; там он проповедовал Христа и в синагоге иудеям, и на площадях встречавшимся язычникам; некоторые спорили с ним и привели в Ареопаг, требуя, чтобы он объяснил им, что это за новое учение, которое он проповедует. Тогда

апостол стал проповедовать пред Ареопагом Христа, и афиняне слушали его со вниманием, и только когда апостол стал говорить о воскресении, слушавшие сказали ему: об этом послушаем тебя в другое время. Тем не менее проповедь апостола была действительна, и если не всех, то некоторых обратила ко Христу.

Вот и в нашем городе вышла книга под заглавием «Философия общего дела», поднимающая и освещающая с своеобразной точки зрения многие религиозные вопросы, и я считаю невозможным оставить без внимания эту книгу нашего русского мыслителя, мыслившего, как мне кажется, истинно по-христиански. Вас я пригласил, чтобы совместно обсудить предлагаемое книгою, и думаю, что мы будем хуже язычников-афинян, если не обратим должного внимания на эту книгу.

9 января 1907, № 3

После Преосвященного обратился к присутствовавшим с словом и тот, кто принял на себя обязанность познакомить с книгою, на которую обратил внимание Преосвященный Владыка, — он сказал: «Знакомство с книгою под заглавием “Философия общего дела” самое лучшее начать со статьи “Разоружение”, которая была напечатана с лишком восемь лет тому назад, а именно 14 октября 1898 года, в “Новом времени”. Печатаемая эту статью, “Новое время” обращало на нее внимание ученых духовных, светских и военных, но такого внимания статья не удостоилась, и только почти чрез полгода в марте месяце 1899 г. в № 8280 того же “Нового времени” появилась статья инженера Симонова — “Военные мысли о штатском деле”², в которой он выражает удивление, что статья “Разоружение” не обратила на себя внимания, и объясняет это тем, что поднимаемый статьею вопрос слишком необычен и нов. Я же думаю, что статья “Разоружение” не обратила на себя внимания потому, что поднимает вопрос, который имеет только общий интерес и требует труда на пользу лишь общую, труда бескорыстного, который никакой немедленной, личной выгоды принести не может и все результаты которого только в будущем. Но за последнее время в отечестве нашем совершились такие события, которые, надо надеяться, всех привели к убеждению, что преследование одних своих личных, индивидуальных, эгоистических интересов приводит к общей гибели, в которой гибнет не только наше личное благополучие, но и самая жизнь наша подвергается величайшей опасности <...>. Потому-то я и надеюсь, что как статья “Разоружение, или Вопрос о том, как орудие разрушения обратить в орудие спасения”, так и вся книга под заглавием “Философия общего дела” должны в настоящее время обратить на себя большее внимание, чем тогда, когда отечество наше не подвергалось еще тем испытаниям, которым оно подверглось в последнее время и которые были предсказаны в предлагаемой вашему вниманию книге, хотя

автор ее умер 15 декабря 1903 года, т. е. до начала еще наших испытаний. Познакомиться с автором книги можно из предисловия, которое было напечатано в № 1 “Туркестанских епархиальных ведомостей” особою статьею под заглавием, данным самим Преосвященным Владыкою, — “*Истинный Христианин нашего времени*”.

После сего были прочитаны статьи «Разоружение» и дополнительная к ней «Об обращении оружия, т. е. орудий истребления, в орудие спасения». По окончании чтения все присутствовавшие пропели — «Достойно есть яко воистину».

Весь смысл, все значение, вся суть статьи «Разоружение» и дополнительной к ней — «Об обращении оружия, т. е. орудий истребления, в орудие спасения», прочитанных 2 января, заключается в приглашении к регуляции, т. е. к управлению слепыми силами природы, или вернее — к расширению этого управления, к новому шагу в этом деле, в этом труде, который только и сделал человека тем, что он есть. По природе человек существо самое обездоленное, он лишен естественных покровов, орудий защиты и т. п. и все это он должен был создать себе сам, создать собственным трудом. Самое питание у человека происходит совершенно иначе, чем у животных; травоядные, достигнув пастбища, находят под своими ногами все им необходимое; хищнику достаточно поймать и растерзать служащее ему пищею другое животное, чтобы утолить свой голод; человек же должен произвести посев необходимого для его пищи злака, а когда злак этот созреет, жать его, обмолотить, смолоть в муку и из муки испечь хлеб. А поймавши и убивши служащее ему в пищу животное, человек немало еще должен употребить труда, чтобы приготовить из этого животного себе пищу. И всего этого человек достиг не вдруг, конечно, а постепенно, и, надо думать, только страдания заставляли его расширять область труда; так, очень возможно, что первоначально он питался только плодами деревьев, как это было в раю; но, по изгнании из рая, этой пищи, которая сама собой, без труда давалась ему, стало недостаточно, и голод вынудил человека изыскать другую себе пищу. Как он сделался звероловом, живущим охотою, кочевником, питающимся от стад своих, и, наконец, земледельцем, мы доподлинно, конечно, не знаем; но надо думать, что голод заставил его из зверолова сделаться скотоводом, т. е. самому позаботиться о размножении необходимых ему для жизни животных; но по размножении людей и скотоводство, требующее обширных пространств для пастбы скота, не могло спасти людей от голода, и голод заставил человека сделаться земледельцем. Теперь же — когда род человеческий так размножился, что нет уже земель, кем-либо не занятых, и все земли, которые по существующим в настоящее время способам могут подлежать обработке, уже истощены, а главное — лишены орошения, вследствие расстройств метеорического процесса, благодаря вырубке лесов, осушению болот и т. п., — человеку предстоит сделать новый шаг в области труда, ввести в область труда человеческого то, о чем мы просим в молитве «*о благорастворении воздуха*» и что до сих пор давалось нам так, без труда; к расширению нашего труда и на эту область мы и понуждаемся все чаще и чаще повто-

ряющимися голодовками, происходящими от засух, обнимающих все большие и большие пространства. Статья «Разоружение» и приглашает к такому расширению труда, не дожидаясь, когда бедствия от голода, сопровождающегося всегда и всякого рода болезнями, дойдут до высшей степени; статья эта вместе с тем и указывает, что взрывчатые вещества, т. е. то самое орудие, которое до сих пор служило, можно сказать, одному лишь разрушению и употреблялось людьми почти исключительно для взаимного истребления, что взрывчатые вещества могут служить, как свидетельствуют о том опыты, направлению туч небесных по воле человека, могут служить к управлению ходом воздушных течений, как сухих, так и несущих влагу, и заставлять последние проливаться дождем там, где это требуется по нуждам человека. Обширность поля действия для нового труда человеческого — весь воздушный океан — особенные свойства его, в силу которых действие в одном месте распространяется во все стороны и на самые далекие расстояния, указывает на то, что действовать в данном случае возможно только через организованную силу, причем организация эта должна быть столь обширна, чтобы могла обнять весь земной шар — в статье «Разоружение» и указывается на такую организацию, на войско, в которое при всеобщей обязательной повинности обращается весь народ, т. е. в конце концов в эту организованную силу, имеющую в настоящее время целью взаимное истребление и действующую в своих видах преимущественно взрывчатыми веществами, войдут все народы, все население земного шара. <...> Обращение орудий войны и всего на войне употребляемого в орудия спасения есть не только великий нравственный, но и религиозный акт, акт истинно христианский, и притом такой, который составляет отличительную черту православия, черту, не только не отделяющую православие от католицизма и протестантизма, но ведущую его к соединению с ними по вопросу об искуплении. <...>

Как же может тот, кто возлагает такую надежду на действие войск, относиться без горечи и досады к тем, которые хотели бы уничтожить эту великую силу вместо того, чтобы обратить ее на дело всеобщего спасения <...> Как он может не указывать на лицемерие или же на ребячество этих любителей будто бы мира, восклицающих «*долой оружие!*». И разве это не ребячество, если только они искренно думают, что такое восклицание может иметь значение при настоящем положении вещей, когда все народы стоят друг против друга во всеоружии и только ждут благоприятного момента, чтобы броситься в кровавую борьбу. Думающие так не доросли еще, очевидно, до понимания, что всякое явление имеет причины и что войско только явление, порожденное глубокими причинами, стихийными силами, и уничтожить войско нельзя, не уничтожив причин, его породивших; уничтожение войска не уничтожит враждебности людей друг к другу, и враждебность найдет себе исход, создаст и необходимые орудия для своего выражения. Нужно изменить самые условия существования так, чтобы они возбуждали не вражду друг к другу, как это ныне есть, а приводили бы к сознанию взаимной друг другу необходимости, необходимости одних для других, нужно общее дело, всем одинаково необходимое, и только объединение в таком деле излечит людей от чувства враждебности,

заставит их ценить друг друга и приведет ко взаимной любви. На такое дело и указывается в книге «Философия общего дела», начало которому может быть положено регуляцией метеорическим процессом; об этой регуляции и говорится в статье «Разоружение». Думающие, что проклятиями войску можно уничтожить войну, похожи на ребенка, бьющего стул, о который он ушибся. А если эти проклятия войску и всем военным имеют в виду лишь возбуждение злобы, ненависти одних против других, — то как это назвать?!.. Что касается *бессилия слова*, на которое указывается в статье и что ставится ей в укор, — то какую же силу может иметь слово, как оно может действовать на стихийные силы? Мы не говорим, конечно, о божественном слове, о божественном действии, которым по молитве Иисуса Навина было остановлено видимое течение солнца, или же задержано, замедлено движение земли; но говорим о слове, которым Господь Наш Иисус Христос утишил бурю, приумножил хлебы, исцелял больных, воскрешал мертвых, — о той силе, которою были одарены пророки, апостолы и святые, мы говорим об обыкновенном человеческом слове, так как чудеса совершаются лишь в исключительных случаях, когда Господь находит это нужным для вразумления людей, для указания им пути, по которому они должны следовать, не рассчитывая на чудеса; Господь наш Иисус Христос не прибег к чуду даже тогда, когда встал на... Слово сильно лишь настолько, насколько оно убедительно, насколько действует на разум и чувство людей, но оно бессильно, когда ему противоборствует стихийная сила. Какое значение может иметь слово, когда оно обращено, например, к человеку голодному или же к человеку, пришедшему в ярость до потери рассудка, до самозабвения, или же когда весь строй жизни человеческой свергнет нас в войну, приведет к битве?!.. Во всяком случае, автора статьи «Разоружение» нельзя упрекнуть в том, чтобы он отказывал слову в надлежащем значении, он и сам, убеждая людей объединиться в общем деле, расширить область труда, убеждает их в этом словом.

Относительно упрека в том, что автор статьи не соображается с жизнью и все гнет под свою теорию <...> — что значит соображаться с жизнью? Что разумел под этим выражением упрекавший автора прочитанной статьи? Как устраивается жизнь наша? Не строится ли она под воздействием той слепой силы природы, которая действует и в нас (наши влечения, наши страсти, инстинкты), и вне нас, и которая, направляя нашу жизнь, приводит нас к смерти. Именно тогда, когда мы сообразуемся с жизнью, т. е. подчиняемся слепым силам природы, мы испытываем величайшие бедствия, и в конце концов такое подчинение должно привести к гибели весь род наш. Задача же автора статьи «Разоружение» заключается в том, чтобы вывести род человеческий из подчинения слепым силам природы, чтобы род человеческий не подчинялся, а управлял, регулировал этими силами; начало такой регуляции и будет положено изучением и регулированием атмосферными, метеорическими явлениями. <...>

Н. П.-н.

Напоминаем, что к 6 час. вечера 9 с<его> января Преосвященный Владыка приглашал к себе опять всех, получивших пригла-

шение на 2 января. На этот раз будет прочитана статья под заглавием «Самодержавие».

16 января 1907, № 5

9-го сего января было второе чтение, перед которым, так же как и перед первым, все собравшиеся пропели «Царю Небесный», а по окончании его — «Достоинно есть».

В этот раз читалась статья «Самодержавие». <...>

19 января 1907, № 6

<...> Во второй статье из трех, помещенных под общим заглавием «Самодержавие», указывается на *долг воскресения* <...> как на положительное содержание православия, определяющее, что такое православие и отличающее его как от католицизма, так и от протестантизма. Православие <...> видит спасение не в делах, как католицизм, хотя бы это и были дела благотворения, потому что сами по себе и эти дела ничего спасительного в себе не заключают, а принимаются лишь *как плата за спасение*; не признает православие спасительною и одну веру, по-протестантски: с православной точки зрения <...> спасение может быть достигнуто только единым общим всем людям делом, самым делом нашего спасения, делом, которое именно строит наше спасение, заключается в строительстве самого спасения; строительство же спасения без веры невозможно, невозможно и без надежды, ибо, по слову апостола, вера есть осуществление чаемого, ожидаемого. Итак, мы должны участвовать в самом деле нашего спасения, на которое надеемся и которого ожидаем, должны участвовать в строительстве нашего спасения, но спасения от чего? Нас ради человек и нашего ради спасения Господь Наш Иисус Христос низшел с небес — но ради спасения от чего? Двух ответов на этот вопрос, по-видимому, и быть не может, для всех очевидно, что Господь Наш Иисус Христос нисходил ради спасения нас от смерти и всего, что ведет к смерти, — от болезней, голода и всяких лишений и недостатков. Но совершил ли Господь дело нашего спасения, если смерть и все, ведущее к смерти, так же царствует среди людей, как и до пришествия Нашего Спасителя? Да, божественно дело нашего спасения совершено, но человечески оно еще не произведено, со стороны Бога сделано все, чтобы избавить людей от смерти, но со стороны нас, людей, сделано еще очень мало, чтобы воспринять это дело нашего спасения, и весь смысл жизни, истории рода человеческого после Христова воскресения заключается в том, что Господь долготерпит, ожидая, что мы сами примем участие в божественном деле нашего спасения, сами сделаемся орудиями Бога в этом деле, в строительстве нашего спасения, т. е. в деле воскресения умерших; в этом же деле найдут свое бессмертие и те, которые доживут до блаженного дня воскресения, — «не все умрем, но все изменимся», говорит апостол. И мы говорим о спасении от настоящей смерти, о такой смерти, как ее знают все, не о духовной лишь, а о смерти и телесной и о воскресении в телах, ведь и Христос воскрес не духовно,

но и телесно. <...> Если понимать христианство <...> как долг воскресения, исполнение которого лежит на самих людях, как дело Божие, чрез людей совершаемое и завещанное нам нашим Спасителем, Который, чтобы привлечь к исполнению этого долга всех людей, предал Себя на страшные мучения, — в таком случае для исполнения сего долга людям надлежит прийти в такое единство, образ которого дан нам в Пресвятой Троице, т. е. быть едиными при совершенной самостоятельности личностей, без слияния их, без поглощения одними личностями других, причем самостоятельность личностей, не должна вести их и к розни. Но в такое единство люди придут, только осуществляя, устрояя одно, общее всем дело нашего спасения от смерти и всего, что ведет к смерти, — от болезней, голода, всяких лишений и недостатков, от всякого рода страданий, направляя к устройению нашего спасения *все* наше знание, науку, все наше искусство, всю нашу жизнь. При таком объединении всего рода человеческого, т. е. всех разумных существ, разум явится силою, которая будет управлять всеми другими силами природы*, ныне темными и по темноте своей разрушительными; при таком объединении разум, т. е. носитель разума род человеческий, будет управлять и теми силами, от которых зависит самое движение земли нашей и всех тел небесных — от малейших молекул до самых громадных планет и солнц, будет управлять и силами прозябения, от которых зависит жизнь, и, таким образом, получит возможность воскресить все умершее и сохранить жизнь всему живому и ожившему, будет обладать всем миром, будет душою мира, ныне бездушного, т. е. бесчувственного и бессмысленного; это и будет исполнением заповеди Бога нашего, данной человеку при самом создании его и мира.

Бог создал силу (мир, природу) и существо, способное управлять ею (человека), которому и отдал в управление первую («обладайте ею и владейте» — Бытие I, 28). Но существо это, наделенное разумом и потому способное управлять силою, ограничило себя созерцанием и наслаждением; и тогда сила, оставленная самой себе, без управления, стала слепой и, таким образом, по бездействию разумной, начала творить зло, созидавая, стала разрушать созданное... Мало того, само существо, наделенное разумом, — признавшее себя лишь созерцающим и отождествившее созерцательность с разумностью, — размножившись, не осталось единым, и в лице наиболее отчуждившихся от большинства, ставших блудными сынами, в лице интеллигентов и философов (худших из людей, возомнивших себя лучшими), убедило себя, что нужно *каждому* знать лишь самого себя! «Познай себя» — было заповедью разъединения и отрицанием объединения. Разъединение же и борьба сделали людей слабыми, ограничивающими друг друга. Выходя из этой же нечестивой заповеди, — повелевающей знать лишь себя, заботиться о своем лишь самоусовершенствовании, — и не признавая последствий разъединения и борьбы, философы, утратившие смысл и цель жизни, произнесли великое богохульство, сказав, будто Бог создал человека — свой образ и подобие, — ограниченным и конечным. К чести рода человеческого нужно сказать, что если и находились в среде

* Как отчасти управляет ими и в настоящее время, даже при разрозненности людей.

его отрицавшие бытие Бога, то только в таком оклеветанном виде... Нашлись, впрочем, и добросовестные философы, которые вздумали оправдывать Бога в своей собственной вине, нашлись философы, которые признали, что Бог создал *ограниченную* разумную силу и *неограниченную* силу слепую; и первую, *чувствующую*, подчинил последней, *бесчувственной*; так что разумная сила, т. е. разумные существа стали смертными, а неразумная сила — бессмертною, сила неразумная и бесчувственная стала «*красою вечною сиять*», существа же разумные и чувствующие преданы безобразию тления. Но такое оправдание было хуже всякого обвинения.

«Покайтесь» — заповедь собирания (полнее выраженная в заповеди — «*шедше*, научите, крестяще», т. е. очищающая покаянием) была направлена против эгоистической заповеди разъединения... *Покаяться* — значит признать, что не Бог создал нас ограниченными и смертными, т. е. умерщвляющими себя и других («Бог смерти не создал», — говорится в Писании), что задача наша — *объединение*, объединение для возвращения жизни умерщвленным. Таков великий результат самообвинения на место Богообвинения; самообвинение, или покаяние, обращает весь род человеческий в *орудие Бога* для возвращения жизни умершим, или умерщвленным.

Итак, если православие есть долг, т. е. дело, всеобщего воскрешения, для осуществления коего требуется управление всеми силами природы, всем безграничным мирозданием, если на службу этому делу требуется весь род человеческий, все отрасли знания, если православие ни *знанию*, ни *делу* разумных существ — как *орудий всеведущего и всемогущего Существа* — никаких границ не полагает, то что же может быть вне православия и какое, более широкое, определение может быть дано православию?!.. И понятно, что православие, требующее объединения всех без исключения в деле безграничном, — не может не считать все нынешние системы нравственности недостаточными, но, однако, не отрицает их. Высочайшая же нравственность выражена не в Нагорной проповеди, как думают многие, а в заповеди собирания: «*шедше, научите все языки*» во имя Триединого Бога, Который есть образец совершеннейшего общества и в Котором *единство* не есть *игло*, не гнет, не стеснение, самостоятельность же личностей не ведет к *розни*. Все зло, от которого мы страдаем, заключается в отделении *разума* от *веры*, если понимать веру как *дело*, как *осуществление чаемого* («чаю воскресения мертвых», Послание к Евр. XI: 1). Всякая церковь есть *школа* оглашения, т. е. научения, и *храм* крещения, понимая под крещением, согласно с катехизисом, все таинства. Крещение же есть очищение или искупление от греха как причины смерти, т. е. оно есть возвращение жизни безгрешной и потому бессмертной. И *наука* есть учение о смерти и жизни, ибо она открывает, что вся Вселенная состоит из тех атомов и молекул, на которые разлагается всякое умирающее существо и из коих слагается всякое живое. *Искусство* же состоит в умении все разложенное вновь сложить и оживить, а не творить лишь подобие живого. Тогда, т. е. когда мы будем обладать этим умением, тогда разложение не будет уже иметь власти над людьми.

Необходимо, однако, заметить, что все здесь написанное, как и все изложенное в книге «*Философия общего дела*» есть лишь вопросы, как это видно уже из того, что вся эта книга названа автором запискою *от неуче-*

ных к ученым, и первые статьи ее озаглавлены так: «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства». С этим вопросом мы, неученые, и обращаемся прежде всего к нашим ученым иерархам, к архипастырям и пастырям, — строителям тайн нашего спасения, обращаемся с вопросом: всегда ли строение нашего спасения останется для нас тайною, навсегда ли мы будем устранены от участия в этом строении, навсегда ли должны остаться в неведении, как оно, наше спасение строится, т. е. навсегда ли мы должны остаться в положении несмысленных младенцев, неспособных быть совершенными, как Отец Наш Небесный совершен? Но если это так, то как такое понимание согласовать с милосердием Божиим и с учением нашего Спасителя, Который, по слову апостола, «хочет всем в разум истины прийти», Который «поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями», чтобы все мы пришли «в меру полного возраста Христова, дабы мы не были более младенцами» (Ефес. IV: 11–14)?

Автор книги «Философия общего дела» не признает за собою права или свободы иметь свое убеждение без обязанности исследовать причины разномыслия, без принятия на себя долга познания; он находит, что наше собственное убеждение, несогласное с убеждениями других, наших присных, в среде коих мы живем, возбуждающее в нас *сомнение* в справедливости их убеждений, не дает еще нам права на разномыслие, а возлагает на нас обязанность исследовать причины разномыслия, возлагает долг познания в видах устранения разномыслия, при котором не может быть и любви. И такое сомнение, ведущее к исследованию, к познанию, будет лишь законным побуждением к достижению истины, т. е. разума истины; такое сомнение подобно сомнению св. ап. Фомы, который не радовался, когда усомнился в воскресении Христа: сомнение апостола происходило от величайшей скорби и от непреодолимого желания видеть Воскресшего, для осуществления чего ап. Фома не остановился бы ни пред какими трудностями. Сомнение в справедливости убеждений наших присных, сомнение, не обращающееся в торжествующее убеждение, так как расходится с убеждениями всех других, а возбуждающее великую скорбь и непреодолимо побуждающее все к новым и новым исследованиям в видах достижения разума истины, что и объединит всех в единомыслии, в едином чувстве, во взаимной любви, — такое сомнение есть не только законное, но и святое сомнение. И автор книги «Философия общего дела», излагая учение о воскресении, не выдает этого учения за что-либо непререкаемое; все им излагаемое есть лишь вопросы, обращаемые прежде всего к ученым духовным и светским, гражданским и военным, как руководителям в знании, а затем и ко всем живущим. Все это лишь приглашение к исследованию, к изучению, к познанию для разрешения вопросов, которые каждый себе задает и без разрешения которых жизнь становится смутна, тяжка, потому что кажется бесцельною и бессмысленною. Но и задавая лишь вопросы, надлежит их обосновать, ибо хорошо поставленный, т. е. хорошо обоснованный вопрос есть уже, как справедливо говорят, половина ответа. Все содержание книги «Философия общего дела» и есть попытка обосновать те вопросы, которыми, повторяем, задается каждый; никто не может

остаться им чужд; совершенное игнорирование этих вопросов нашим церковным, гражданским и военным управлением и привело к отчуждению всей, можно сказать, интеллигенции от церкви, привело к тому, что к религии перестали относиться серьезно, привело и к тому всеобщему расстройству, в котором ныне находится наше отечество.

23 января 1907, № 7

Милостивый государь
господин Редактор!

По поручению Его Преосвященства, Преосвященнейшего Димитрия, имею честь просить Вас напечатать на первой странице «Семиреченских областных ведомостей» настоящее письмо, во избежание могущих возникнуть недоразумений по поводу напечатанной в № 6 «Семиреченских» обл<астных> вед<омостей> статьи под заглавием «Чтения в покоях Преосвященнейшего Димитрия, епископа Туркестанского и Ташкентского».

Напечатанная статья не есть изложение тех чтений, которые были предложены в покоях Его Преосвященства, а только личное мнение г. Н. П-на по поводу прочитанного, — мнение, от начала до конца не имеющее ничего общего с православным учением о воскресении мертвых.

Видимо, статья, помещенная в № 6 «Семиреченских» обл<астных> ведомостей, возникла после прочтения в покоях Его Преосвященства двух статей из книги Н. Ф. Федорова «Философия общего дела» — о Разружении и Самодержавии, где автор, между прочим, останавливается на «долге воскрешения предков». Так как выражение «долг воскрешения предков» не выяснено в означенных статьях, то возник обмен мнений между присутствующими, причем было высказано православное учение о воскресении мертвых, с которым учение о «воскрешении предков» не находится в соответствии, насколько можно заключить из прочитанного.

Сегодня в 6 ч. вечера в покоях Преосвященного в присутствии ранее приглашенных Его Преосвященством лиц имеет состояться продолжение чтения интересной книги «Философия общего дела», подробные отзывы как о чтениях, так и о самой книге на страницах обл<астных> вед<омостей> появляются за подписью г. П-на.

26 января 1907, № 8

Письмо в редакцию, присланное по поручению Его Преосвященства и помещенное в прошлом номере областных ведомостей (7), по недосмотру напечатано корректора без подписи. Спешим исправить это досадное упущение корректора. Письмо это подписано было так: «Секретарь Его Преосвященства, священник С. Аполлов».

